УДК 304.2:[821.161.1"19":314.743]+929 Газданов (470)

Н. А. Родионова

Гайто Газданов, выпускник шуменской гимназии: трудности социальной адаптации в эмиграции

Автор уточняет некоторые факты биографии будущего знаменитого писателя послереволюционной эмиграции Г. Газданова, его личностные характеристики в контексте трудностей социальной адаптации в Париже в первые годы после окончания шуменской гимназии (Болгария). Статья написана на основе эго-документов, отложившихся в ГАРФ (Ф. 6089), ранее не привлекаемых исследователями.

Ключевые слова: Гайто Газданов, послереволюционная эмиграция, адаптация в эмиграции, русская школа в Болгарии

Nadezhda A. Rodionova

Gaito Gazdanov, Shumen Gymnasium graduate: difficulties of social adaptation in emigration

The author reveals the personal characteristics and some facts of the G. Gazdanov's biography, in the context of the difficulties of his social adaptation in Paris during the first years after his graduation from the gymnasium in the town of Shumen (Bulgaria). Gazdanov became later one of the most famous writer of the post-revolutionary emigration. This article is based on ego-documents, deposited in the SARF (F. 6089). The documents have not been involved by researchers previously.

Keywords: Gaito Gazdanov, post-revolutionary emigration, adaptation in emigration, Russian school in Bulgaria

Проблема социальной адаптации людей, оказавшихся в экстремальных условиях инокультурного окружения в эмиграции, может быть исследована на основе их эпистолярного наследия. Обильная и содержательная переписка была одной из традиций русской интеллигенции, сохранившаяся в XX в., она в условиях эмиграции приобрела неизмеримо большее значение. Вдали от России особенно остро ощущалась потребность обсудить с соотечественниками новости, трудности эмигрантского быта, поделиться мнениями, надеждами и опасениями. Для эмигрантов, оказавшихся на обочине жизни или в силу молодости только вступивших на путь социализации, письма стали фактором психологической разрядки, помогали освободиться от гнетущих впечатлений несладкого эмигрантского бытия. В письмах рядовых эмигрантов почти нет упоминаний о фактах общественно-исторической значимости, принадлежащих событийной истории, чаще это описания повседневных реалий и личных переживаний, позволяющие уточнить стратегии социальной адаптации участников эпистолярного процесса, их личностные характеристики, мироощущение и образ жизни, круг общения, ценностные ориентации и поведенческие мотивации.

Гайто Газданов[1] (1903–1971) – автор девяти романов, создавших ему наряду с В. В. Набоковым репутацию самого талантливого прозаика молодого поколения послереволюционной эмиграции. Документальных свидетельств о первых, самых тяжелых годах «взрослой жизни» Г. Газданова сохранилось крайне мало, тем бóльшую ценность представляют архивные находки, дополняющие наше представление о его личностных качествах, сфере общения, трудностях социализации и особенностях его становления как писателя. Это письмо Г. Газданова, адресованное им директору Шуменской гимназии (г. Шумен, Болгария) А. А. Бейеру[2] и письма доктора П. К. Дылева[3], бывшего врача Шуменской гимназии, покинувшего провинциальное «шуменское болото» в надежде заняться врачебной практикой в Париже[4]. В письмах А. А. Бейеру, обеспокоенному судьбой своих выпускников, Дылев информирует его о жизни шуменцев, получивших счастливую возможность продолжать образование в Париже, в том числе – о трудной судьбе Г. Газданова, мечтающего стать писателем и уехавшего в Париж в поисках лучшей доли.

Путь в эмиграцию для юного Гайто, как и для многих его сверстников, пролегал по дорогам Гражданской войны. В 1919 г. 15-летним юнцом Г. Газданов, не окончив Харьковскую гимназию, вступил в Добровольческую армию «без убеждения, без энтузиазма», исключительно «из стремления к новому и неизвестному» и из свойственного интеллигентам желания сочувствовать гонимым: «Все-таки пойду воевать за белых, так как они побеждаемые», – объясняет герой его автобиографического романа «Вечер у Клэр» свое участие в братоубийственной войне в стане белых. «Мысль о том, проиграют или выиграют

войну добровольцы, меня не интересовала… Я поступил в Белую армию, потому что находился на ее территории, потому что так было принято; и если бы в те времена Кисловодск был занят красными войсками, я поступил бы, наверное, в Красную армию»[5]. Исследователи творчества Г. Газданова признают автобиографичность его прозы. Для творческой манеры Газданова было характерно повествование от первого лица, наделение рассказчика не только особенностями своей внешности и биографии, но и своими мыслями, глубоко личными переживаниями и впечатлениями, поэтому отождествление автора и рассказчика вполне правомочно[6].

Пройдя весь трагический путь с армией генерала Врангеля до последней перекопской катастрофы в ноябре 1920 г., Гайто Газданов вместе с остатками врангелевской армии эвакуировался из Феодосии в Константинополь. В Турции в беженском военном лагере среди унылых безлесных холмов Галлиполийского полуострова, в «голом поле», как называли свой лагерь его обитатели, Газданов провел в вынужденном изматывающем бездействии больше года. Мрачное «галлиполийское сидение» закончилось в январе 1922 г., когда ему улыбнулась удача: появилась возможность закончить образование и изменить жизнь. В Константинополе была создана гимназия для русской молодежи, чье образование было прервано революцией и Гражданской войной. Мест в гимназии было значительно меньше, чем желающих учиться, но Г. Газданову повезло: в Константинополе оказалась его кузина, Аврора Газданова, первая балерина Осетии, вхожая в высшие круги русской эмиграции.

Стремление попасть в число гимназистов объяснялось не только желанием закончить образование, это был шанс выжить: в гимназистов кормили – для русских эмигрантов найти пропитание в Константинополе было огромной проблемой. Днем они сидели за партами, а ночью можно было спать в классе на тех же партах[7]. В апреле 1922 г. гимназия была передислоцирована в болгарский город Шумен. В списке учащихся Константинопольской гимназии, намеченных к отправке в учебное заведение в Болгарию (март 1922 г.), 19-летний учащийся 6-го класса Константинопольской гимназии Г. Газданов назван сыном белоэмигранта[8].

Болгария, потерпевшая поражение в Первой мировой войне, сама еще платила в то время репарации французам и англичанам, однако болгары в знак благодарности русским «братушкам», избавившим их родину в 1878 г. от 500-летнего турецкого ига, помогали, чем могли. В 1924 г. Болгария занимала третье место после Королевства СХС и Чехословакии по размерам финансирования русской школы за рубежом, что составляло около 1 млн франков, или 8 % всех получаемых от иностранцев средств[9].

Город Шумен, или Шумла – старый турецкий город с крепостью Шумла, обильно политый русской кровью во время многочисленных русско-турецких войн еще со времен императрицы Екатерины Великой, Николая I и Александра II. В 20-е гг. это был большой город с многочисленным турецким населением. Два-три православных храма терялись среди десятка мечетей. В турецкой части города, на подъеме в горы, окружавшие Шумен с северной стороны, была гимназия – постройка квадратом с большим внутренним двором. Здание, по-видимому, некогда было одним из укреплений вокруг города, стены сооружения были метровой толщины. В первом этаже вместо окон были бойницы, второй этаж был перестроен и приспособлен под жилье. Перед фасадом к главному входу поднимались с двух сторон широкие лестницы. Гимназия находилась на окраине города, это было учебное заведение закрытого типа, с неукоснительно соблюдавшимся распорядком дня и проживанием учащихся в интернатах[10]. Директором гимназии был А. А. Бейер, выпускник Михайловского артиллерийского училища, генерал-лейтенант артиллерии, участник Гражданской войны, в прошлом – преподаватель физики, химии и математики в Константиновском артиллерийском училище, «человек совершенно особенный». Многие выпускники Шуменской гимназии оставили теплые воспоминания о своей альма-матер, заменившей им дом и семью в изгнании. Директора гимназии любили все: «Авторитет его, справедливость, глубочайшие знания, прямо покоряли всех нас, и мы готовы были ради его очень редкой улыбки или еще более редкой похвалы на любые испытания»[11]. Г. Газданов считал «немчуру-директора» «человеком огромной гуманитарной культуры, одним из лучших представителей интеллигенции, каких ему приходилось встречать», «исключительный ум которого был совершенно лишен высокомерия, на которое имел право. Он разговаривал с каждым учеником, как равный, и эффект получался безошибочный – было слишком стыдно потом не оправдать его доверие»[12]. Система воспитания в гимназии была репрессивной. Иной она и не могла быть, если учитывать контингент учащихся[13]. О социальном составе своих однокашников Г. Газданов писал: «Это были бывшие солдаты, офицеры, матросы, спекулянты, только что вырвавшиеся из ада гражданской войны»[14].

Подранки, «подстарки»[15] (так З. Гиппиус называла состарившееся раньше времени молодое поколение эмигрантов), примерным поведением

не отличались. «Мы были настоящие бандиты, – вспоминает выпускник 1923 г. В. Сосинский[16], – и только благодаря опытности, такту и энергии Анатолия Аполлоновича Бейера, очень строгого, но и очень справедливого „немчуры"-директора, в Шуменской гимназии поддерживались дисциплина и шли нормальные занятия и общественная жизнь»[17]. Психика молодых людей, прошедших сквозь ад братоубийственной войны, была глубоко травмирована. Устами Александра Вольфа, героя романа «Призрак Александра Вольфа», Г. Газданов описывает присущее и ему самому состояние израненной войной души: «Я знал по собственному опыту и по примеру многих моих товарищей то непоправимо разрушительное действие, которое оказывает почти на каждого человека участие в войне. Я знал, что постоянная близость смерти, вид убитых, раненых, умирающих, повешенных и расстрелянных < > все это никогда не проходит безнаказанно. Я знал, что безмолвное, почти бессознательное воспоминание о войне преследует большинство людей, которые прошли через нее, и в них всех есть что-то сломанное раз и навсегда. Я знал по себе, что нормальные человеческие представления о ценности жизни, о необходимости основных нравственных законов – не убивать, не грабить, не насиловать, жалеть, – все это медленно восстанавливалось во мне после войны, но потеряло прежнюю убедительность и стало только системой теоретической морали. И те чувства, которые должны были во мне существовать и которые обусловили существование этих законов, были выжжены войной, их больше не было и их ничто не заменило»[18].

А. А. Бейер, чтобы обеспечить нормальное функционирование гимназии, поспешил освободиться от неуправляемых «подранков», многим из которых «скорее нужны были исправительные учреждения, а не гимназическая скамья»[19]. В 1923 г. в гимназии было сразу 2 выпуска. Первый состоялся в январе 1923 г. – 57 чел., второй – в сентябре 1923 г. – 43 ученика[20]. Во втором выпуске под номером 7 записан Г. Газданов. «Занимался я очень неохотно, но учился хорошо…»[21], – позднее напишет о себе будущий писатель. О явных склонностях к гуманитарным предметам свидетельствуют отличные оценки в его аттестате по русскому, французскому, латыни, психологии, истории, космографии, естествознанию, законоведению, географии и рисованию; по немецкому языку и физике – хорошие, а по алгебре, геометрии и тригонометрии – удовлетворительные[22]. От результатов экзаменов зависела дальнейшая жизнь. Окончание гимназии с медалью давало возможность получить стипендию, чтобы продолжать обучение в университете. В выпуске 1923 г. таким счастливчиком оказался Вл. Сосинский. Лучший друг Г. Газданова, Н. С. Муравьев[23], после окончания гимназии в 1923 г. уехал во Францию, учился в Париже, затем в Пуатье, Клермон-Ферране и Тулузе, где в 1928 г. получил диплом инженера-химика. Тем, кто остался без стипендии и связей, предстояли тяжелые работы на угольных шахтах Перника, на виноградниках болгарских крестьян, на постройках дорог, на рубке леса в Балканских и Родопских горах, на фермах по разведению шелковичных червей. Большинство выпускников по рабочим контрактам потянулось на фабрики и заводы Франции и Бельгии в надежде впоследствии как-то устроиться учиться. Стипендию для продолжения образования Г. Газданов не получил. Помимо отсутствия медали, у всегда державшегося особняком неуживчивого и гордого осетина было много других грехов. В его аттестате отсутствует оценка по Закону Божию – «питая неприязнь к людям духовного звания»[24] и «неприязненное отношение к религии»[25], на занятия он принципиально не ходил. Подобно его герою из романа «Вечер у Клэр», «детского страха перед преподавателями» он никогда не испытывал и «свои чувства по отношению к ним не скрывал»[26]. Свидетельством тому является письмо, написанное Г. Газдановым директору гимназии А. А. Бейеру спустя 2 месяца после окончания гимназии с критическими замечаниями относительно ситуации, сложившейся в гимназии[27].

Вопреки предостережениям директора Бейера, отговаривавшего Газданова от отъезда в Софию, чтобы не «очутиться в один прекрасный день под забором»[28], упрямый выпускник, веря в свой талант писателя, отправляется прямо в Париж, ставший в 1920-е гг. литературной Меккой русской эмиграции. В Париже он вынужден был зарабатывать себе на жизнь самым тяжелым трудом: в первые два месяца парижской жизни он успел поработать на разгрузке барж в Сен Дени, мойщиком паровозов на железнодорожной станции, в Биянкуре на автомобильном заводе Рено. Тяжелый физический труд обеспечивал сносное материальное положение, однако «печальная необходимость ходить каждый день на фабрику»[29] лишала Г. Газданова возможности учиться и заниматься любимым делом – писательским трудом.

При столкновении с реалиями взрослой жизни пребывание в гимназии, которую воспитанники считали родной семьей, в письмах к А. А. Бейеру Г. Газданов вспоминает как счастливое, несмотря на обиды, тяжело переживаемые им в бытность в гимназии. Неустроенность, безденежье, невозможность учиться и несбыточность мечты стать писателем заставляли забыть

прошлые обиды и вспоминать о пребывании в гимназии, как «об одном из самых милых периодов своей жизни»[30], несмотря на то, что он всегда считался там «элементом отрицательным, пожалуй, даже вредным, атеистом, безбожником, убежденным противником гимназической конституции и нарушителем ее правил»[31]. Неслучайно на педагогическом совете решался вопрос о снижении ему оценки за поведение. (В аттестате зрелости по поведению поставлена все-таки отличная оценка[32].) Отношение к себе со стороны педагогического коллектива Г. Газданов считает несправедливым, но это не вызывает его негативных ответных чувств.

Считая гимназию своей семьей (в письмах многие воспитанники гимназии обращаются к своим педагогам, называя их «мама» и «папа»), Г. Газданов сожалел об утрате «того климата доверия и теплоты», который существовал в ней раньше, и был обеспокоен тем, что «начало растворяться и сходить на нет», «то, что составляло раньше смысл гимназии, ядро ее сплоченности и сравнительной общности интересов педагогов и учеников». Гайто Газданов опасался, что «через полгода ученики будут разговаривать с преподавателями как с совершенно чужими людьми»[33]. Однако тем не менее он признавал существование «шуменского братства» вне стен гимназии. Шуменские связи были испытаны им на прочность в Париже: «если бы не мои шуменские друзья, я бы, вероятно, не доехал бы до Парижа и был бы лишен удовольствия писать Вам сейчас письмо»[34]. Г. Газданов обращается к уважаемому и любимому им директору гимназии с просьбой разубедить его в своих опасениях. Он называет фамилии любимых преподавателей, «совершенно фантастических людей», как Розмарица[35], Папа Федоров[36], Г. П. Кобылко[37] Валерьян Валерьянович (Лашкевич)[38], и служащих гимназии А. Рождественского[39] и Т. Колесникова[40], «от недостатка общения с которыми никто бы не пострадал».

Критический настрой и независимость суждений Г. Газданова отнюдь не способствовали завоеванию расположения гимназического руководства, от которого не в последнюю очередь зависело получение стипендии. Бывший врач гимназии П. К. Дылев в письмах к директору А. А. Бейеру характеризует Г. Газданова негативно: «Я хорошо знаю пустоту Газданова»[41], упоминает «весьма пустословное письмо Газданова о стипендии» и сообщает, что «его кандидатура (на получение стипендии. – *Н. Р.*) не имела, конечно, оснований быть выдвинутой»[42]. В 1924 г. Газданов обращался в Земгор с просьбой предоставить ему стипендию, но ему было отказано.

В Париже воссоединились три друга – шуменцы Вл. Сосинский, Д. Резников и В. Андреев, сын Леонида Андреева. Три друга впоследствии женились на трех дочерях лидера эсеровской партии В. М. Чернова. Четвертым в этой «команде вроде четырех мушкетеров»[43] Гайто не был – слишком велика была разница в социальном статусе этой тройки и оказавшегося на дне Газданова. Друзей особенно не было: «при совершенном дружелюбии он держался особняком и несколько в стороне», возможно, сказывалась «принадлежность к другому культурному коду»[44]. Свойственная Г. Газданову «назойливая, перманентная ирония: опустошенный и опустошающий скептицизм»[45] и независимость поведения симпатии не внушали, портрет Г. Газданова в 20-е гг. В. Яновский рисует явно не в комплиментарных тонах: «Газданов, маленького роста, со следами азиатской оспы на уродливом большом лице, широкоплечий, с короткой шеей, похожий на безрогого буйвола»[46].

Чаще всего в Париже Г. Газданов общался с Н. С. Муравьевым, своим лучшим другом по Шуменской гимназии. В Париже он также обращался за помощью к доктору Дылеву, который, не считая Газданова другом, этой помощью тяготился. «Тяжелое было связано с Газдановым, который, кажется, гораздо больше ко мне привязан, чем я к нему»[47], – сообщает Дылев А. А. Бейеру. Газданов мечтал учиться, совмещать учебу с изнурительным трудом было невозможно. Недолгое время, бросив работу, он посещал лекции в Сорбонне. Без работы он «оборвался, опустился», производил грустное впечатление на доктора Дылева, который, несмотря на конфликт с Газдановым, о котором он упоминает в письме А. А. Бейеру («Тяжелый крест Газданов. Вы пишете, что его отношение ко мне было подлым, но судить его я не хочу»)[48], продолжал поддерживать Г. Газданова как члена шуменского братства, «приспособив к заработку с рекламами». Возможно, конфликт произошел еще в стенах гимназии, в связи с чем «большинство от Газданова отвернулось», и именно конфликтом объясняется его быстрый отъезд из гимназии после выпускного акта. Не объясняя причин конфликта, о котором Бейер, по-видимому, был осведомлен, Дылев «по мотивам чисто эгоистическим» «пошел за большинством» и «совсем от него (Г. Газданова. – *Н. Р.*) отрекся» («сейчас встречи могут быть только случайными»), «быть может, в самый тяжелый для него (Газданова. – *Н. Р.*) момент жизни» и отказал ему в помощи: «Я знаю, что в совершенно аналогичном положении, если бы место Газданова занимал человек, мною любимый, я пошел бы в разрез с общим осуждением, со своими личными интересами, а друга бы не бросил»[49]. Не питая симпатий к

своему подопечному, Дылев все же эпизодически оказывал ему помощь, хотя и тяготился этим: «Последнее время он присутствовал при мне почти неотступно, и это нелегко»[50]. Считая свою помощь Газданову недостаточной, Дылев переживал («в душе кошки скребут») и пытался оправдать себя тем, что Газданов не был его другом: «Но ведь Газданов не друг мне, хоть, кажется, и немного любит меня»[51]. Спустя несколько дней в письме к жене А. А. Бейера М. А. Бушуевой Дылев сообщает: «Газданов, Слава Богу, уезжает в Страсбург, на какие-то работы. Как-то легче вздохну и я. Я так-таки не совсем бросил его, хоть и тяжело было»[52]. В эмиграции доктор Дылев продолжал реализовывать на практике идеи бескорыстного служения людям, характерные для русской дореволюционной интеллигенции[53]. Нескольким выпускникам Шуменской гимназии он выплачивал стипендии, чтобы они могли получить высшее образование[54].

В январе 1925 г. П. К. Дылев подписал двухлетний контракт на работу во Французском Конго. Получить там работу считалось для русских беженцев большой удачей. Далекая Африка страшила, однако в его решении ехать в Конго, где он мог вернуться к активной профессиональной деятельности, большую роль сыграло соображение, что он получит больше возможностей поддерживать выпускников Шуменской гимназии материально (заработок врача в Конго был в 5–6 раз выше обычного)[55]. Сведений о том, что Дылев продолжал оказывать Г. Газданову помощь, – нет. С отъездом доктора в Конго Газданов жил клошаром, ночевал на тротуарах и под мостом.

Несмотря на конфликт, произошедший в стенах шуменской гимназии, о котором упоминает доктор Дылев, непонимание однокашников-шуменцев, с которыми были пережиты тяжелейшие годы «галлиполийского сидения» и ближе которых в то время у Г. Газданова никого не было, он всегда ощущал свою принадлежность к «шуменскому братству», и спустя годы воспоминания о недолгом пребывании в шуменской семье согревали его всю оставшуюся жизнь. Бывший врач гимназии, П. К Дылев, не питая теплых чувств к строптивому выпускнику, своей помощью в Париже облегчил ему адаптацию. В 1938 г. лучшие слова о директоре гимназии А. А. Бейере были сказаны не самым любимым его учеником: «Я хотел бы написать об Анатолии Аполлоновиче самые верные, самые лучшие слова, которые я знаю, – пишет Г. Газданов. – Я хочу надеяться, что он знал всегда, до последних дней своей жизни, что наша благодарность ему и наша преданность его памяти неизменны»[56].

Письма Гайто Газданова и врача шуменской гимназии П. К. Дылева помогают уточнить малоизученные факты биографии одного из крупнейших писателей послереволюционной эмиграции Г. Газданова, его личностные характеристики в контексте трудностей социальной адаптации в Париже в первые годы после окончания гимназии, о его окружении при вступлении во взрослую жизнь; позволяют судить о взаимоотношениях с однокашниками и преподавателями гимназии, а также об избранной им стратегии адаптации с опорой на помощь русских однокашников, а не на сильную осетинскую диаспору, существовавшую в Париже, что подтверждает прочность шуменских связей и приверженность писателя русской культуре.

Примечания

[1] Газданов Г. (1903, Петербург – 1971, Мюнхен). Происходил из семьи срединной российской интеллигенции, отец – лесник, осетин. Учился в Харьковской гимназии, не окончив ее, вступил в Добровольческую армию. С 1920 г. в эмиграции. Окончил Шуменскую гимназию (Болгария, 1923). Первый рассказ «Гостиница грядущего» (1926). Первый роман «Вечер у Клэр» (1929). Член масонской ложи «Северная звезда». Участник французского Сопротивления. С 1952 г. работал на радио «Свобода».

[2] Бейер Анатолий Аполлонович (1875–1938) – выпускник Михайловского артиллерийского училища, генерал-лейтенант артиллерии, участник Гражданской войны, директор гимназии в Шумене (1923–1928 гг.), уехал в Парагвай (1928 г.), где жил его приятель, друг президента этой страны. В Буэнос-Айресе служил в газовой компании. Вел большую культурную работу среди русских эмигрантов, основал кружок «Наука и техника» с чтением докладов, затем переименованный в кружок «Наука и искусство». Участвовал в войне с Боливией, в результате которой Парагвай присоединил огромную боливийскую территорию Гран-Чако. Бывший директор получил звание героя Парагвая, где ему установлен памятник. Скончался в 1940-х гг. См.: Щербатов А., Криворучкина-Щербатова А. Право на прошлое. М., 2005. С. 113.

[3] Дылев Петр Константинович (1888–1978, Женваль ок. Ватерлоо) – врач Шуменской гимназии в 1922–1923 гг., бóльшую часть жизни проработал в Бельгийском Конго. На заработанные в Африке деньги обеспечивал стипендии выпускникам Шуменской гимназии. См.: Родионова Н. А. П. К. Дылев – доктор Швейцер Русского Зарубежья // Россия и соврем. мир. 2012. № 2 (75). С. 205–212.

[4] Там же. С. 206.

[5] Газданов Г. Вечер у Клэр // Сочинения: в 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 1. С. 116–117.

[6] Петинова Е. I'll come to-morrow: предисловие // Газданов Г. Призрак Александра Вольфа. СПб.: Азбука-классика, 2009. С. 9.

[7] Щербатов А., Криворучкина-Щербатова Л. Указ. соч. С. 113.

[8] ГАРФ. Ф. 5982. Оп. 1. Д. 196. Л. 2 об.

[9] Руднев В. В. Финансовое положение и перспективы беженской школы: докл. на Втором пед. съезде, 10 июля 1925 г. Прага, 1925. С. 7.

[10] Димитров Э. Русская эмиграция в Шумене // Русское зарубежье в Болгарии. История и современность. София, 2009. С. 126.

[11] Воспоминания выпускника гимназии 1928 г. Р. Г. Жукова. Арх. авт.

[12] Газданов Г. Бейер: некролог // Сочинения: в 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 1. С. 758.

[13] Родионова Н. А. Проблемы воспитания детей в эмиграции: труды и дни Шуменской гимназии, 1922–1934 гг. // Ист. журн.: науч. исслед. 2011. № 5 (5). С. 64.

[14] Газданов Г. На острове // Сочинения: в 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 2. С. 325.

[15] Адамович Г. Владимир Набоков // Адамович Г. Одиночество и свобода. М.: Республика, 1986. С. 22.

[16] Сосинский Владимир Брониславович (Владимир Бронислав Рейнгольд Брониславович Сосинский-Семихат) (1900, Луганск – 1987, Москва). В 1918 г. призван в Белую армию, воевал, был ранен в грудь навылет и награжден орденом Николая Чудотворца лично генералом Врангелем. С 1920 г. в эмиграции. Окончил гимназию в Шумене (1923 г.). Стипендиат проф. Д. Уиттмора. Учился в университете в Берлине. С 1924 г. в Париже. Активно печатался в русских журналах. Участник французского Сопротивления. В 1960 г. вернулся в Советский Союз.

[17] Неопубликованные воспоминания В. Б. Сосинского-Семихата, любезно предоставленные автору Ф. Хадоновой. С. 2. Рукоп.

[18] Газданов Г. Призрак Александра Вольфа // Сочинения: в 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 3. С. 92–93.

[19] Долгоруков П. Д. Русская беженская школа // Рус. шк. за рубежом. Прага. 1923. № 1. С. 64.

[20] Зарубежная русская школа, 1920–1924. Париж, 1924. С. 52.

[21] Газданов Г. Вечер у Клэр. С. 74.

[22] Рупчева Г. Георги Газданов – ученик в руската гимназия в Шумен: един подсказан сюжет // Неуморният търсач. Шумен, 2005. С. 229.

[23] Муравьев Н. С. (1904, Харьков – 1965, Луганск) Принадлежал к известному роду Муравьевых, из которого вышло несколько декабристов, а также Николай Николаевич Муравьев-«Карский» – наместник Кавказа во время Крымской войны. Со стороны матери – внук драматурга А. Н. Островского, поэт и художник, воевал в составе Добровольческой армии. В 1920 г. эмигрировал. Выпускник Шуменской гимназии 1923 г. В 1958 г. репатриировался. Ему было предложено поселиться в г. Рубежном Луганской обл., где была предоставлена работа по специальности (инженер-химик). Умер в 1965 г. от последствий чахотки и тяжелой экологической обстановки в районе, где ему пришлось жить.

[24] Газданов Г. Вечер у Клэр. С. 113.

[25] Там же. С. 72.

[26] Там же. С. 74.

[27] ГАРФ. Ф. 6089. Оп. 1. Д. 14. Л. 42–42 об.

[28] Там же. Л. 42.

[29] Там же.

[30] Там же.

[31] Там же. Л. 42 об.

[32] Рупчева Г. Указ. соч. С. 229.

[33] ГАРФ. Ф. 6089. Оп. 1. Д. 14. Л. 42 об.

[34] Там же. Л. 42.

[35] Розмарица – бывш. жандармский полковник, воспитатель гимназии.

[36] М. Н. Папа-Федоров (р. 1869) выпускник Николаевской академии Генерального штаба (1894), генерал-от-артиллерии, в гимназии имел кличку «пахан», преподаватель математики и воспитатель Шуменской гимназии, член РОВСа.

[37] Г. П. Кобылко (р. 1884) – бывший полковник Алексеевского пехотного полка Первого армейского корпуса. Воспитатель русской гимназии г. Шумен.

[38] Лашкевич Валериан Валерианович (р. 1876) – присяжный поверенный. Депутат IV Государственной думы от Харьковской губернии. В 1902 г. окончил университет, проживал в Харькове. Участник Русско-японской войны, за храбрость был награжден тремя орденами. Гласный Харьковской городской думы. Член Священного Собора Российской православной церкви 1917–1918 гг. После революции эмигрировал. С 1921 г. член Карловацкого Всезаграничного церковного собора, преподаватель русского языка и литературы Шуменской гимназии.

[39] А. Рождественский – бывший унтер-офицер Алексеевского пехотного полка, член педагогического совета гимназии г. Шумен.

[40] Т. Ф. Колесников – бывший подпоручик саперной роты, служащий интерната гимназии.

[41] ГАРФ. Ф. 6089. Оп. 1. Д. 16. Л. 81.

[42] Там же. Л. 94.

[43] Орлова О. Газданов. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 63.

[44] Земсков В. Б. Писатели цивилизационного «промежутка»: Газданов, Набоков и др. // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур. М., 2005. С. 8.

[45] Яновский В. Поля Елисейские: книга памяти. М.: Астрель, 2012. С. 285.

[46] Там же.

[47] ГАРФ. Ф. 6089. Оп. 1. Д. 16. Л. 129.

[48] Там же. Л. 91 об.

[49] Там же. Л. 129.

[50] Там же.

[51] Там же.

[52] Там же. Л. 57–58.

[53] Ронин В. К. Колониальные мемуары, дневники и письма русских эмигрантов, 20–30-е гг. XX в. // Одиссей: человек в истории. М., 2000. С. 228.

[54] Родионова Н. А. П. К. Дылев – доктор Швейцер Русского Зарубежья. С. 208.

[55] Ронин В. Русское Конго, 1870–1970: в 2 т. М.: Рус. путь, 2009. Т. 2. С. 32.

[56] Газданов Г. А. А. Бейер. С. 760.